

- Элиаде М.* Аспекты мифа. М., 1995.
Элиаде М. Мифы, сновидения и мистерии. М., 1996.
Юнг К. Г. Приближаясь к бессознательному // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М., 1990.
Eliade M. Myth and Reality. N. Y., 1968.
Walsh Ch. From Utopia to Nightmare. L., 1962.

Я. В. Васильков

ЗЛОВЕЩИЕ ЗНАМЕНАНИЯ В ИНДИЙСКОМ ЭПОСЕ (по данным «Махабхараты»)

Великая индийская эпопея «Махабхарата», сформировавшаяся, как известно, на основе устно-поэтической традиции, сохранила в своем мировоззрении и поэтике элементы, восходящие к глубокой архаике. Обретя фиксированную форму, санскритская эпопея затем на протяжении более двух тысяч лет продолжала (и продолжает ныне) оказывать моделирующее воздействие на мировоззрение, поэтику и образность индийской литературы и фольклора. Учитывая это, всякому исследованию индийской традиционной прогностики целесообразно предпослать обзор поэтического отражения прогностических представлений в «Махабхарате» как грандиозном по объему и наиболее представительном памятнике индийского героического эпоса.

Индийский эпос заглядывает в будущее посредством знамений, вещих снов и пророчеств. Эта статья посвящена эпическим знаменаниям. Вещих снов мы лишь кратко коснемся в связи со знаменаниями, а тема пророчеств о конце мира и утопическом пришествии индийского мессии — Калки Вишнуяшаса — в начале нового мирового периода уже нашла в российской индологии своего исследователя (Невелева 1987; 2010, с. 52–86). Мы затронем здесь пророческие описания будущего лишь постольку, поскольку некоторые мотивы и формулы поэтического языка оказываются общими для них и для темы знаменаний.

«Махабхарата» (далее — Мбх) при сохранении ею живых элементов архаики (см.: Vassilkov 1995; Васильков 2010, с. 338) и при наличии в ее позднем слое черт, присущих эпосу религиозно-дидактическому (Гринцер 1974, с. 297–330), — все же в основном зрелый или классический эпос, мировоззрение которого в разных этнических традициях отмечено, как правило, глубоким пессимизмом и фатализмом. Поэтому знамения будущего, описываемые в Мбх, почти всегда предвещают беду, они эсхатологичны, свидетельствуют о близости индивидуальной, социальной или вселенской катастрофы. Так или иначе знамения в Мбх связаны с главным эпическим действием — великой битвой на поле Куру, в которой суждено погибнуть почти всем ее участникам, то есть почти всем кшатриям (воинам) на Земле. Поэтому благие предзнаменования в эпосе редки, обычно они описываются лишь тогда, когда необходимо противопоставить знамения, являющиеся будущим победителям, Пандавам, и те, которые являются их противникам, Кауравам. Например, когда божественный герой Кришна, действующий на стороне Пандавов, отправляется с посольством в стан врагов, чтобы уговорить Кауравов примириться с Пандавами, в стране Кауравов наблюдаются зловещие знамения, а на ее столицу Хастинапуру обрушивается ураганный ветер; между тем над дорогой, по которой шествует Кришна, веет тихий, благоуханный ветерок, с неба проливается «дождь» из цветов и лотосов, а сама дорога становится ровной и очищенной от колючек (Мбх V.82.4–12)¹. Когда битва все же оказывается неизбежной и два войска выстраиваются друг против друга, «верховые и упряжные животные Пандавов радостно возбуждены, а дикие звери обходят их по солнцу; это — предвестье их победы». А войско Кауравов все звери обходят против солнца, над ним слышны голоса незримых существ, и это — «предвестье их по-

---

¹ Ср. XIV.52.5–6, где тот же Кришна описан возвращающимся в свой город: ветер с силой дует перед его колесницей, расчищая дорогу от камешков и колючек, а Индра проливает над ним дождь из ароматной воды и небесных цветов. Здесь, как и в V.82.11–12, благие приметы прямо противоположны часто употребляемым зловещим: ветру, несущему в себе камни, «дождю из мяса и крови».

ражения» (V.141.15–16; ср. V.82.9; IX.55.14). Далее следует целая серия подобных противопоставлений: над войском Пандавов реют птицы, предвещающие благо (павлины, лебеди, журавли и т. п.), тогда как за армией Кауравов следуют птицы, питающиеся трупами, шакалы, гиены, злые духи, а также рои мух. В войске Кауравов молчат барабаны, тогда как у Пандавов барабаны сами гремят, когда в них никто не ударяет (V.141.17–18). В одном случае мы встречаем отрывок, весь состоящий из перечисления примет, возвещающих победу, часть из них аналогична тем, что приведены выше: птицы совершают над войском, которому суждена победа, облет по ходу солнца, и так же движется дым от жертвенного огня; музыкальные инструменты (в данном случае цимбалы и боевые трубы) сами издают громкие звуки и т. п. (VI.4.15–25). Но этот отрывок введен по контрасту после пространныго, занимающего почти две главы (VI.2 и 3) описания страшных предзнаменований для войска Кауравов. За пределами подобных «контрастных» контекстов *счастливые приметы* (nimittāni... dhanyāni, VII.87.71) в Мбх неупотребительны. Исключением можно, по-видимому, считать схожий набор благоприятных знамений в VIII книге при описании того, как Пандава Арджуна выступает на решающий бой с главным антагонистом — со своим неузнанным братом Карной (VIII.50.43–46).

Полное преобладание зловещих знамений над счастливыми составляет существенное отличие эпической прогностики от реальной, бытовой; благие приметы не заслуживали внимания в рамках «героико-фаталистического» дискурса. По той же причине эпос почти никогда не описывает реакцию людей на зловещие приметы. В быту считалось необходимым нейтрализовать дурные знаменья специальными обрядами. Не только после таких аномальных явлений, как землетрясения, затмения, падение метеоров и тому подобное, полагалось принимать защитные меры, это касалось и бытовых примет: например, обнаружив след голубиной лапки на золе домашнего очага, следовало, согласно «Апастамба грихьясутре», отвратить последствия путем возлияний на огонь жертвенного масла (Sen 1982, с. 136). В астрономо-астрологическом трактате Варахамиры «Брихатсамхита» (VI век н. э.) царю для предотвращения предвещаемых знаменья-

ми угроз ему и его стране предписывалось совершать специальный обряд (*пушьяснана*), по структуре и символике во многом совпадающий с обрядом периодического обновления царской власти — *пунарабхихекой* (см.: Никольская 2011). В самой Мбх, в поздней, дидактической ее части, в разделе об обязанностях царя, прямо сказано: «Царь, который игнорирует расположение накшатр (созвездий лунного зодиака), явление грозных планет и многие знамения, сулящие гибель царям, (который) не защищается — гибнет сам и губит свой народ» (XII.91.35–36). Тем не менее в эпосе самые страшные, чудовищные знамения вызывают лишь ужас, но, как правило, никакой деятельной реакции. Кришна, увидев и своей божеской мудростью правильно истолковав предзнаменования своей гибели и уничтожения своего племени, на первый взгляд отправляет народ в искупительное паломничество, а в действительности — содействует велению рока, поскольку паломничество закончится, как он знает, всеобщим самоистреблением (XVI.3). Грозные знамения являются в момент, когда Кауравы, обыграв Пандавов в кости и сделав их рабами, наносят им одно страшное оскорбление за другим. Старый царь Дхритараштра, отец Кауравов, сознавая, что знамения предвещают кровавый исход, аннулирует результаты игры (II.63.23–36). Но игра вскоре возобновляется и все-таки приводит к неизбежной катастрофе. В первой книге мудрые советники объясняют царю Дхритараштре страшные знамения как указание на опасность его решения сделать наследником старшего сына Дурьодхану, главного злодея в эпосе. Дхритараштра игнорирует знамения, не объясняя причину (I.107.28–29). В других случаях герои пренебрегают угрожающими знамениями, ссылаясь на перспективу для павших воинов блаженства в воинском раю на небесах. Дурьодхана, наблюдая зловещие приметы перед началом великой битвы, говорит: «Это изначально предопределено и, несомненно, свершится. Если кшатрии, следуя воинскому долгу, погибнут в сражении, они, достигнув (небесного) мира героев, обретут чистое блаженство. Славу здесь и великое счастье на долгое время в мире ином обретут мужи-тигры, в битве расставшись с жизнью» (VI.3.44–46). Другое описание знамений во время битвы на Курукшетре заканчивается словами: «Пренебрегши этими грозны-

ми, ужасными знаменьями, вновь посовещавшись, кшатрии встали неколебимо на прекрасном и чистом поле Куру, стремясь попасть в (воинский) небесный рай» (IX.22.23).

Наконец, перед началом поединка Арджуны и Карны является новая серия зловещих знамений, возвещавших гибель Кауравам. «Но никто из них, ослепленных роком (*daiva*), не внял этим (приметам)» (VIII.26.38). Здесь пренебрежение приметами объясняется уже не через архаическое представление о блаженстве павших героев в воинском небесном мире Индры, а в духе чистой концепции героического фатализма: это слепой, неисповедимый рок туманит сознание героев, чтобы никто из них не пытался уклониться от его велений.

Тема знамений, как и более широкая тема судьбы, является существенной для поэтики эпоса как такового. Поэтому она оставалась популярной на протяжении всего длительного периода жизни и развития индийской эпопеи как в устно-эпической, так и в письменной традиции. В описаниях знамений «Махабхараты» представлены параллельно, а иногда и в смешении разновременные стилистические тенденции. Здесь есть тексты, воспроизводящие традиционный, архаический набор зловещих примет в характерном формульном стиле устной эпической поэзии; есть пассажи, написанные, возможно, автором-книжником, способным, однако, имитировать устно-эпический стиль. И наконец есть описания знамений, созданные уже под влиянием стиля раннего «искусственного» эпоса — *кавыи*; здесь автор, отталкиваясь иногда от традиционных моделей, создает силой своей фантазии причудливые, усложненные образы. В такого рода поздних контекстах встречаются и пространные, детализированные перечни неблагоприятных астрологических обстоятельств, то есть предвещающих беду положений различных планет по отношению к накшатрам — созвездиям лунного зодиака (см. V.141.7–10, см. перевод в книге: Махабхарата 1976, с. 281; VI.2.31–32; 3.11–17, 24–29, перевод в книге: Махабхарата 2009, с. 12–13). Привлекая отрывки, демонстрирующие поздний стиль, лишь по контрасту, мы постараемся ниже дать обзор типологически более ранних, традиционных описаний знамений, в которых есть все основания видеть основу, ядро данной эпической темы.

Наряду с эпосом, другим, более древним по времени своей фиксации источником, намечающим круг «базовых» для индийской культуры традиционных знаменений, является гимн-заговор 9 из XIX книги «Атхарваведы» (см.: Атхарваведа 2010, с. 136–138). Цель гимна — умиротворить и обратить на благо общины различных богов и всевозможные феномены мироздания. В перечислении божеств, которые должны стать «благом» для певца и его общины, внезапно звучит имя-эпитет бога смерти Ямы — Антака, «Кладущий конец (жизни)»¹. Вероятно, по ассоциации со смертью, у певца сразу возникает желание магически обратить «во благо» дурные знамения (*utrāta*) трех видов: «Благо предзнаменования земные и воздушные, / благо движущиеся по небу планеты» (AB XIX.9.7cd). Имеются в виду зловещие приметы, наблюдаемые во всех трех сферах архаического индийского мироздания: на Земле, в воздушном пространстве и на небе. Некоторые из них далее перечисляются: «Благо для нас сотрясаемая земля (*bhūmir veramānā*), / и благо то, что ударено метеоритом (*ulkānirhatam sa yat*), / благо коровы с красным молоком, / благо провалившаяся² земля (8). Созвездие, ударенное метеоритом — нам на благо. / ... На благо метеориты... (9) На благо нам планеты, принадлежащие луне, / на благо и солнце вместе с Раху... (10)».

Таким образом, речь идет о землетрясении и его последствиях в виде образующихся в земле трещин или провалов, о зловещих аномалиях в животном мире (чудовищный для индийцев образ коров, дающих кровавое молоко), затмении (когда Солнце встречается с демоном Раху, ненадолго его поглощающим), метеоритах, ударяющих в Солнце или одно из созвездий лунного зодиака,

---

¹ «Благо для нас Митра, благо Варуна, / благо Вивасват, благо Антака...» (AB XIX.9.7ab; перевод Т. Я. Елизаренковой).

² В тексте *avaṭīṅyaṭī*. В переводе Т. Я. Елизаренковой: «распустившаяся». Семантика глагола *ava-tṛ-* в древнеиндийском (см., например, Couture 2001) исключает возможность такого чтения. Основным является значение «спускаться», «опускаться вниз». Выражение «провалившаяся земля» относится, скорее всего, к образовавшемуся при землетрясении провалу. За исключением передачи данного слова, в цитате воспроизведен перевод Т. Я. Елизаренковой.

и о планетах, неблагоприятно расположенных по отношению к Луне. Обилие упоминаний о метеоритах (трижды в стихах XIX. 9.8–9), планетах и созвездиях говорит о преобладающем интересе создателей данного текста к астрологической прогностике. В этом отношении гимн АВ XIX.9 отличается от традиционных для героического слоя эпоса описаний знамений, где астральные приметы встречаются, но не преобладают, зато близок к поздним прогностическим контекстам эпоса, подобным вышеупомянутым стихам Мбх VI.2.31–32; 3.11–17, 24–29. Близость в данном случае можно предположительно объяснить тем, что и поздние гимны «Атхарваведы», к которым относится заговор XIX.9, и поздние прогностические пассажи в начале VI книги Мбх созданы *брахманами* (жрецами), в среде которых и оформлялась ведийская астрология. В воинской среде бытовали, по-видимому, достаточно общие представления об этой науке, в частности об астральных знамениях. Свидетельства такого различия можно указать в самом тексте Мбх. Так, в начале второй книги мудрец Нарада спрашивает царя Юдхитхиру: «Сведущ ли твой прорицатель (*daivajña*, букв. “судьбознатец”) в ангах (“разделах” ведийской науки), изъясняет ли (расположение) светил, искушен ли во всевозможных знамениях?» (II.5.31). По существу, знание знамений предстает здесь разделом традиционной брахманской астрологии (*джьотиша*)¹. В переводах *daivajña* обычно передается термином «астролог». По контексту речь, безусловно, идет о брахмане. Близким термином *nimittajña* — «знаток знамений» — определен в VI.108.3 брахман Дрона, наставник Пандавов и Кауравов. Когда же речь заходит о специалисте по знамениям из воинской среды, искусство их толкования оказывается вписанным в иной набор традиционных знаний. Царственный герой Шалья из стана Кауравов, но симпатизирующий Пандавам, будучи назначен сутой (колесничим, возницей)

¹ В книге девятой Мбх («Шальяпарва») в числе других объектов паломничества на берегах реки Сарасвати упоминается обитель легендарного основоположника астрологии Гарги, где, как сказано, святой старец открыл «путь познания времени, отклонение светил, а также знамения, дурные и благоприятные» (IX.36.14–16).

при главном бойце со стороны Кауравов Карне, говорит ему: «Применение метательного оружия, (правила) боя, знамения (nimittāni) — все это я должен знать, как ответственный за эту колесницу» (VIII.28.8). В данном случае распознавание знамений выступает элементом комплекса воинских знаний, носителем которого традиционно был колесничий. Разумеется, описания знамений в исходном, «воинском» слое эпоса более фольклорны и не столь «научнообразны», как описания, отразившие мировоззрение хорошо знакомых с астрологией брахманов.

Опишем в общих чертах образы дурных предзнаменований, относящиеся предположительно к исходному героико-эпическому слою.

К числу элементов, наиболее традиционных и почти обязательных в любом эпическом перечне дурных знамений, следует отнести стихийные бедствия, такие, например, как землетрясения. Перед началом великой битвы или одного из ключевых ее эпизодов сотрясается со страшным грохотом или стоном земля. Описания строятся по гибким формульным моделям; для передачи основных моментов содержания складываются относительно устойчивые варианты оформления, приспособленные к метрическим условиям первой–третьей (*a, c*) и второй–четвертой (*b, d*) пад — 8-сложных «четвертей», из которых составляется 32-сложный силлабический метр эпоса — шлока¹. Например, в паде *c* находим следующие формульные выражения: *sacāla pṛthivī cāpi* («заколебалась земля даже», III.153.4c), *sacāla cāpi pṛthivī* («заколебалась даже земля», VII.54.4c), *sacāla pṛthivī rājan* («заколебалась земля, о царь», VIII.26.33c), *sacāla vyanadac corvī* («заколебалась, издавая шум, земля», III.221.3c), *sacāla śabdaṃ kurvāṇā* («заколебалась, шум издавая», IX.22.20d), тогда как для пад *b/d* используется свой набор: *pṛthivī samakampata* («земля затряслась», V.82.7b), *vasudhā samakampata* («земля (букв. «хранительница богатств») затряслась», VII.6.23d), *saśailavanakānanā* («с го-

---

¹ В графике это первая и вторая восьмисложные половины каждой строки, различающиеся квантитативной концовкой: в первой окончание было «женским» (предпоследний слог долгий), а во второй — «мужским» или дактилическим (предпоследний слог обязательно краткий).

рами, лесами и рощами», VII.54.4d), *saparvatavanā mahī* («с горами и лесами земля», IX.22.20d), *ṛṥthivī savanadrumā* («земля с лесами и деревьями», IX.55.10d).

Связаны с землетрясением и некоторые другие знамения: рушатся наземь вершины высоких гор (IX.55.11), сотрясается и величайшая из гор — Кайласа, на которой расположены обители богов (XIV.66.17).

Предвещая бедствия, реки начинают течь вспять (V.82.6; XVI.1.3); Океан, в который они впадают, приходит в волнение, по-видимому, вспучивается, и реки начинают течь от него в обратном направлении (VII.54.5). Иногда текущие вспять реки окрашиваются кровью (VI.3.43).

Возмущаются и подземные воды, они переполняют колодцы (V.82.7; IX.55.14) и извергаются из них с ревом, «подобным реву быков», то есть, по-видимому, под напором (V.141.20; VI.3.32).

Другим часто упоминаемым дурным предзнаменованием являются внезапно налетающие сильные ветры: *vavus̥ ca vātāḥ paṛuṣāḥ* («И задули ветры злые», V.183.23a), *vavus̥ ca dāruṇā vātā* («И задули свирепые ветры», VII.54.3a). Часто их сопровождают вихри или смерчи — *nirghāta* (*vavur vātāḥ sanirghātāḥ* — I.26.3c; IX.55.8a; XVI.1.2a), которые и сами по себе являются зловещей приметой (III.153.4a; IX.55.13a). Как правило, эти ветры несут в себе или развеивают над землей мелкие камни (формульное завершение пады *b/d śarkarakarṣaṇaḥ/śarkaravarṣiṇaḥ* — «гальку несущие/рассеивающие», III.153.2b; 176.43b; IX.22.22b; IX.55.11b; XVI.1.2b).

В безоблачном небе вдруг гремит гром, появляется молния, и вслед за тем бог грозы Индра (Парджанья) проливает дождь (обычно шлока начинается формульным словом *anabhre* — «при отсутствии облаков», V.82.5a; VI.2.33a; VII.6.25a). Иногда это не простой, а «кровавый дождь» (I.26.31d) или «дождь из мяса, костей и крови» (VII.6.25b). В качестве самостоятельных дурных примет нередко встречаются «кровавый дождь», «дождь из (человеческих) костей», «из мяса и костей», «из мяса и крови» (I.26.31, 32; V.141.21; 183.21; VI.2.30; 3.31; VIII.26.36). Случаям более или менее традиционной разработки этого мотива можно противопоставить стих XIV.76.19, который своей усложненной образно-

стью приближается к стилю классической поэзии: «Подобные коричнево-красным цветом окрасу осла, тучи (вооруженные) луками (радуг) и молниями заволокли небосвод, извергая мясо и кровь».

Особый вид аномальных осадков — это «дождь пыли» (Ш.153.4; VI.3.30; IX.55.8), который приносят «ветры со смерчами» и в результате которого «меркнут стороны света», то есть погружается во тьму все пространство. «Стороны света» (*dīśaḥ*) фигурируют в двух основных контекстах: одна из них, связанная с обреченной на поражение партией, или же все они окрашиваются в кроваво-красный цвет, или охвачены огнем, пылают (Ш.153.5; 176.41; V.141.26; VI.108.7; VIII.26.34). В другом варианте стороны света объаты мраком, в котором они сливаются до полной неразличимости (V.82.6, 8; VI.2.30). Противоположное явление, как благая примета, отмечено в Мбх лишь однажды: все стороны света (то есть весь горизонт) абсолютно чисты, и это предвещает победу Арджуны (VIII.50.43).

Дурным знаком является и то, что внезапно меркнет Солнце: либо его закрывает пыль (Ш.153.3; VII.6.24), либо застилают страшные зловещие тучи различных видов: одни называются *parigha* — буквально «засов» или «металлический брус», но в данном случае — продолговатое облако или цепь облаков; другие именуются *kabandha* — буквально «бочонок» или «пузатый сосуд», но здесь терминологически — туча особой формы, затмевающая Солнце (V.141.22; VI.2.21, 22; 108.9; VII.54.3; XVI.3.11).

Месяц тоже может утратить свое сияние, окраситься в огненный цвет и стать неразличимым на фоне пылающего небосвода (VI.2.23). Он может также взойти на небо перевернутым, буквально «вниз головой» (VI.108.12; в переводе В. Г. Эрмана — «вниз рогами» [Махабхарата 2009, с. 249]). Но чаще зловещим признаком служит то, что месяц «теряет свой знак» или же его знак, каковым в индийской традиции является «видимый» на луне заяц, смещается, меняет свое положение (*somasya lakṣma vyāvṛttaṃ*, V.141.10; *vyāvṛttaṃ lakṣma somasya*, VI.2.32). Этой простой формуле может быть противопоставлена усложненная образность позднего стиха: «Заяц, стремительно пробив диск Носящего знак зайца (Месяца), упал вниз, явив в этом знаке-

знамении перевернутое (= неестественное) состояние, о царь!» (XIV.76.18).

Одним из наиболее часто упоминаемых предзнаменований беды является падение на Землю метеоров, озаряющих небо своими хвостами (VII.6.27), сопутствуемых дымом и пламенем, ураганами и землетрясениями, грохотом или, напротив, вспышками беззвучных молний (I.26.28, 30; III.153.3; V.141.10; V.183.22; VI.3.32; VII.6.27; IX.55.9), рассыпающих дождем раскаленные угли (XVI.1.3). Заслуживает быть отмеченным представление о том, что метеоры сначала ударяют в Солнце и лишь затем, отразившись от его диска, обрушиваются на Землю (VI.108.9; IX.22.21; XIV.76.16). Случается, что метеор поражает непосредственно обреченное на гибель войско (V.136.21).

Дурное знамение часто оформляется как аномальное поведение животных. Например, кровожадные хищники, обычно возглавляемые шакалами, внезапно поднимают вой со всех сторон (I.107.28; II.63.22; VI.108.8) или с неблагоприятной стороны: на юге — в стороне царства мертвых, слева или сзади от обреченного войска (III.176.41–44). Шакал — наиболее зловещее из животных; популярен образ шакала, страшно воющего «в объятый пламенем стороне света» (*dīrtāyāṃ diśi*), то есть, по-видимому, на фоне пылающего горизонта (III.176.41; IV.37.6; V.136.23; 183.24).

К войску, обреченному на гибель, собираются со всех сторон шакалы и другие кровожадные хищники, пожиратели трупов, чующие скорую добычу (VI.2.18; VII.6.26), слетаются и реют тучами над войском Кауравов грифы, вороны и прочие стервятники (V.136.22; 141.18; 183.23; VI.2.17–18; 108.6; VII.6.25; VIII.50.45). При этом птицы и звери страшно кричат (III.153.5; V.71.35; VI.2.28) и совершают вокруг обреченного войска левосторонний обход, против хода Солнца (апасавья); здесь проявляется некая общая особенность эпических знамений, которую мы специально рассмотрим ниже.

Знаком обреченности войска является аномальное поведение ездовых животных: кони и/или слоны плачут (IV.37.6; V.136.22; 141.11; VI.2.33; VIII.26.37; IX.22.22), дрожат (VI.3.42; IX.22.22), не едят и не пьют, но при этом все время мочатся и испражняются (V.141.11–13; VII.54.7). Предвестием катастрофической битвы

служит также то, что оружие и снаряжение воинов сами собой начинают действовать: перед началом междоусобной битвы богов мечи, палицы и другие виды оружия различных кланов небожителей вступают в схватку, а ваджра, оружие Индры, сама собой воспламеняется (I.26.28–29). Перед битвой на поле Куру из-под плащей воинов сами собой вырываются мечи, полыхающие огнем, и сами собой взлетают в воздух стрелы (IV.37.5; VI.3.20; 108.5), а колесницы героев, не запряженные конями, сами начинают двигаться (VI.2.27). Знамена, не будучи колеблемы ветром, сами начинают развеиваться и при этом могут дымиться (IV.37.6; VI.3.39; VIII.26.37). Барабаны обреченного войска не звучат, когда в них ударяют (V.141.19ab) и, напротив, начинают греметь сами, когда их не трогают (V.183.24; VI.2.27; здесь это дурное знамение, в отличие от V.141.19cd). От литавр и барабанов дождем сыплются раскаленные угли или искры (VI.3.39).

Возвещая великие бедствия стране Куру, статуи богов в храмах «сотрясаются, смеются, изрыгают кровь, потеют и падают» (VI.2.26), «сотрясаются, смеются, пляшут, рыдают» (VI.108.11).

Некоторые знамена пока не поддаются разъяснению, как, например, повторяющийся образ чудовищной одноногой, однокрылой, одноглазой птицы (перепела), изрыгающей кровь и в одном случае — заслоняющей собой Солнце (III.176.42; VI.3.23). Или образ являющихся ночью в поднебесье «вепря и крысы, с ужасными воплями сражающихся друг с другом» (VI.2.25). Исходя из контекстов, можно думать, что это иносказательные описания неких астрологических обстоятельств.

Астральные знамена представлены в Мбх двумя перечнями: V.141.7–10 и VI.2.31–32; 3.11–17, 24–29. Для детального ознакомления с ними отсылаем читателя к имеющимся русским переводам (Махабхарата 1976, с. 281; Махабхарата 2009, с. 12–13, 339–341), здесь же ограничимся минимумом примеров, чтобы дать представление о характере такого рода знаменей: «Даже Арундхати, о царь, та, что прославлена в трех мирах и чтится благочестивыми, покидает своего Васиштху» (VI.2.31). Арундхати — звезда Алькор при созвездии Большой Медведицы («Семь святых мудрецов»), супруга мудреца Васиштхи (звезда дзета Большой Медведицы), которой за ее супружескую преданность даровано

вечное соседство с супругом на звездном небе. Описываемая ситуация (Арундхати покидает Васиштху) представляет собой нечто невероятное, абсолютно противоположное норме. В следующем стихе (VI.2.32) читаем: «Шанайшчара (Сатурн) встал в накшатре Рохини (часть созвездия Тельца), подавляя ее» (ср. V.141.7: «Жгучая и яркая планета Шанайшчара подавляет накшатру (бога) Праджapati (Рохини), еще больше страданий причиняя (тем самым) живым существам)». Приведем комментарий В. Г. Эрмана: «планета Шанайшчара (Сатурн) считалась особенно зловещей; ее прохождение через накшатры, созвездия лунного зодиака (так называемые “лунные дома” или “лунные стоянки”), определяло предсказания будущего в индийской астрологии (в той или иной мере это же относится к другим планетам)» (Махабхарата 2009, с. 339). Подавляющее большинство астральных знамений в Мбх представляет собой констатацию неблагоприятного положения той или иной планеты по отношению к той или иной накшатре.

В начале шестой книги Мбх, «Бхишмапарвы», перечисление астральных знамений сочетается с описанием также трактуемых как дурные предзнаменования аномалий в животном мире и человеческом социуме. В канун страшной битвы на поле Куру у коров рождаются ослы, у кобыл — телята, у собак — шакалы, а у майн (говорящих скворцов) — куропатки и попугаи, произносящие дурные слова (VI.3.1,6). Интересно, что здесь проявляется мотив, известный нам, как сказано выше, по «Атхарваведе»: лучшие из всех живых существ, «те, на ком держится этот мир», — священные коровы, «когда их сосут телята, доятся кровью» (VI.3.19). Женщины тоже рожают монстров: чудовищных хищных птиц и зверей, а некоторые — сразу четырех или пятерых девочек-близнецов, которые, «едва родившись, пляшут, поют и хохочут». Признаком великих бед считается небывалое нравственное вырождение: сыновья совокупляются с матерями, у простонародья младенцы поют и пляшут в воровских притонах. Как зловещая примета выглядят в глазах индийцев обычные с точки зрения западной культуры игры мальчишек «в войну»: «Некоторые из детей, побуждаемые (губительным) Временем, рисуют вооруженных людей, с палками в руках нападают друг на друга, строят

крепости и осаждают их» (VI.3.9; см. перевод всего отрывка: Махабхарата 2009, с. 12).

Сходное сочетание зоологических и социальных аномалий предвещает в XVI книге гибель божественного героя Кришны вместе с его племенем и воинским союзом: «У коров рождались ослы, у мулов — верблюжата, у собак — котята, у мангуст — крысята <...> Вришнии (члены клана Кришны), не испытывая раскаяния, совершали греховные поступки, пренебрегали брахманами, предками и даже богами» (XVI.3.7–8; перевод всего отрывка см.: Махабхарата 2005, с. 79).

Как отметила С. Л. Невелева (Махабхарата 2005, с. 140–141), в данном случае знамения, демонстрирующие вопиющие нарушения природных и социальных норм, существенно совпадают с описаниями «перевернутости» обычного порядка вещей, характерными для эсхатологических текстов (пророчеств о конце мирового периода) в составе Мбх (см.: Невелева 1987; 2010, с. 52–86). Можно констатировать, что и «жанр» эпических знамений, предвещающих трагические повороты сюжета, и «жанр» пророчеств о конце света используют один и тот же прием: перечисление «знаков перевернутости» (термин С. Л. Невелевой). Это сходство осознавалось самими творцами эпоса, см., например, I.218.38: «И тут появились среди битвы чудесные знамения, похожие видом на конец света, на погибель всех живых существ». Разница, однако, в том, что в «жанре» эпических знамений предпочтение отдается «перевернутым» образам, связанным с картиной битвы или с природными явлениями, тогда как для «жанра» пророчеств о конце мира характерна преимущественная сосредоточенность на «перевернутости» социальных и нравственных норм. О глубинной причине сходства в поэтике между эпическими знамениями и пророчествами о конце света скажем далее.

В отличие от пророчеств, другой эпический «жанр», связанный с прогностикой, — описание вещих снов — не обнаруживает явных тематических и формульных схождения с «жанром» знамений, хотя функциональная близость вещих снов и знамений вполне осознавалась творцами эпоса. В V книге Мбх «Удьогпарве» Карна говорит Кришне, что уже близка великая битва, «ибо снятся различные страшные сны, являются ужасные приметы

и зловещие знамения» (V.141.5). Затем Карна описывает многочисленные дурные знамения (V.141.7–26) и непосредственно за этим рассказывает свой сон (V.141.27–42). Он представляет собой череду загадочных картин, на интерпретации которых Карна строит предсказания будущего. Например, во сне он видит, как Кришна протягивает старшему из Пандавов, царю Юдхиштхире, горсть земли, а тот берет ее в рот и съедает. «Это явный признак того, что он (Юдхиштхира) станет царем всей Земли», — комментирует Карна. Принцип построения образов здесь, следовательно, иной, чем в эпических знамениях с их «знаками перевернутости»¹. Следует отметить, впрочем, одну деталь в сновидении Карны, которая позволяет понять существенное в символическом знаменении. Карна видит в будущем всех участников великой битвы. Из них только пятеро Пандавов и трое воинов из числа Кауравов носят белые тюрбаны, а все прочие, в том числе сам Карна, в кроваво-красных тюрбанах направляются на колесницах на юг, в страну мертвых. Красный цвет, таким образом, — цвет смерти, и это проясняет большую роль красного цвета в знамениях (кровавые дожди, «пылающий горизонт» и многое другое)².

Теперь пора, наконец, проанализировать наиболее характерную общую особенность эпических дурных знаменений. Любое явление, трактуемое эпосом в качестве зловещего предзнаменования, представляет ситуацию, противоположную обычному ходу вещей. Для дурных знаменений в эпосе существует стандартное

---

¹ Точно так же строятся образы сновидений-предсказаний в славянском (черногорском) эпосе. Вещий сон здесь всегда «представляет собой развернутую метафору», намекающую на последующие события, в которых через некоторое время ее смысл раскрывается полностью (см.: Путилов 1982, с. 172).

² В связи с этим можно отметить большую роль «красного траура» (в частности, обычай надевать покойнику красную шапку или носить ее в знак траура) у тех славянских народов, культура предков которых, по-видимому, испытала определенное арийское (иранское) влияние (украинцы, белорусы, сербы, хорваты) (см.: Славянские древности 1995–2009, II, с. 648; Успенский 1982, с. 60–61). О славяно-иранских культурных контактах см.: Славяне и их соседи 1993: 10–11, карта 4, 38–39; Эдельман 2008: 13–14, 195–200.

определение: в отличие от «счастливых» (dhanyāni) знамений, они являются знамениями «обратными», или «перевернутыми» (vīraṅtāni). Мудрец Вьяса, перечислив приметы победоносного войска (доспехи и знамена воинов блестят, венки не увядают, в нужном направлении дуют ветры, движутся облака), говорит: «Таковы приметы (будущих) победителей, о царь! У тех же, кто обречены на смерть, они будут vīraṅtāni» («обратными», буквально «перевернутыми»). Перед началом великой битвы герой Арджуна, угадывая по приметам грядущую катастрофу, говорит Кришне: «Я вижу ‘перевернутые’ (vīraṅtāni) знамения, о Кешава, и не нахожу блага в убийстве родичей на поле брани» (VI.23.31). «Перевернутость» знамений особенно четко видна на примере тех из них, которые составляются круговым движением животных, птиц, планет и т. д. Выше мы уже ссылались на противопоставление: дикие звери совершают вокруг войска будущих победителей — Пандавов — правосторонний обход (*прадакшина*, по ходу Солнца), тогда как войско Кауравов те же звери обегают, держась к нему левой стороной (*апасавья*, против хода Солнца; V.141.15–16). Перед решающей схваткой Арджуны с его антагонистом Карной птицы тех видов, которые традиционно считались благоприятными, совершают облет героя-Пандавы по кругу прадакшины (VIII.50.43). И, напротив, грифы, вороны и прочие стервятники облетают войско Кауравов (в одном случае — их столицу) по кругу *апасавья* (VI.3.40; VIII.26.35; XVI.1.2). Точно так же, против Солнца, обходят обреченное на поражение войско шакалы и другие зловещие звери (VII.6.26; VIII.26.35). Страшным предзнаменованием является совершение планетами левостороннего обхода вокруг месяца (VI.108.12); они должны были бы обходить его как царя звезд — почтительно, держась к нему правой стороной. В одном случае (XVI.3.10) даже Солнце, возвещая великие бедствия, совершает по небу «левосторонний обратный круг», то есть движется «против хода Солнца»!

Именно являемое в недобрых знамениях движение животных, птиц и планет по кругу *апасавья* лучше всего позволяет понять, какого рода мифологическими ассоциациями диктовалась в традиционной индийской культуре «перевернутость» образов знамений. У древних индоариев, как и у ряда других народов из

числа исконных носителей индоевропейских языков, обычным направлением кругового движения в обрядах было «по ходу Солнца» (рус. *пóсолонь*). Так обходили индийские жених и невеста вокруг свадебного огня (ср. у русских: *пóсолонь ходила*, то есть «была венчана»), так совершали почтительный правосторонний обход вокруг уважаемого человека, наставника, священного места, города, реки. Обратное же движение, «против Солнца», (*апаса́вья*) было отличительной чертой **погребальных и заупокойных обрядов**. За пределами их движение *апаса́вья* использовалось разве что в воинской вредоносной магии: герой маневрировал на поле битвы своей колесницей таким образом, чтобы объехать врага по кругу апаса́вья, с очевидной целью — прижизненно перевести противника в разряд мертвых, магически уничтожить его (III.20.8,11; VIII.11.17; 31.4; 57.64; 58.25; Махабхарата 1987, с. 54; Махабхарата 1990: 42, 114, 198, 200, 242). Магический прием левостороннего объезда противника, имеющий, по-видимому, глубокие индоевропейские корни, отражен в древнеирландском эпосе (см., например: Ирландские саги 1929, с. 232, 248) и, возможно, в скифском предании о походе царя Дария (Равевский 1985, с. 219).

Связь знамений со смертью и потусторонним миром наиболее наглядно проявляется в знамениях, предвещающих индивидуальную катастрофу: гибель воина в битве. В VI книге Мбх мудрый Бхишма говорит предводителю Кауравов, злодею Дурьодхане: «Человек, обреченный на смерть, видит все деревья золотыми. И ты, о сын Гандхари, видишь (все) перевернутым» (или: «видишь перевернутые (знамения)», VI.94.12). Что касается «золотых деревьев», из других контекстов выясняется, что это деревья потустороннего мира (см., например, III.119.12, где Баларама говорит своему брату Кришне, что отец Кауравов Дхритараштра, допустив такое беззаконие, как изгнание Пандавов, «считай, уже увидел пышные, цветущие, сверкающие золотом деревья на земле мира предков»)¹. Таким образом, человеку, которому предсто-

---

¹ Из других индоевропейских традиций связь золота с загробным царством наиболее отчетливо выражена в славянской (см., например: Пропп 1946, с. 263–264). «Тот свет» — это страна с золотыми горами и

ит скоро умереть, дается его индивидуальное, личное «знамение»: он начинает видеть (как частный случай) вместо реальных золотые деревья загробного мира и в общем все «обратным» по отношению к земному миру в его нормальном состоянии. Обобщая предполагаемый опыт подобного рода, эпическая традиция сформулировала афористический стих-клише: «Если боги какому-либо мужу желают поражения, то лишают его разума, так что он видит (все вещи) ‘перевернутыми’» (arācīnāni paśyati; II.72.8; V.34.78).

Образность зловещих знамений в индийском эпосе находит соответствия в других индоевропейских традициях. Приведем здесь набор знамений, являвшихся в критические моменты войн Рима с Карфагеном, согласно Титу Ливию. В их числе, разумеется, стихийные бедствия: землетрясения с образованием больших провалов в земле (XXX.2.11 [Тит Ливий 1991, с. 402], ср. «провалившуюся землю» в «Атхарваведе»), появление метеоров (Тит Ливий 1991, с. 402; согласно комментарию к данному месту, этот вид знамений часто упоминается в античных текстах [Тит Ливий 1991, с. 521]), атмосферные феномены (небо кажется охваченным огнем, XXII.1.12). Есть, однако, в числе античных знамений, совпадающих с индийскими, и такие, которые не предопределены реальными природными явлениями; например, оружие в руках у воинов внезапно воспламеняется (XXII.1.8 [Тит Ливий 1991, с. 60], ср. Мбх I.26.28; VI.3.20), с неба падает дождь из камней (в одном случае — раскаленных; XXII.1.9; XXIII.31.15), вода в источниках окрашивается кровью (XXII.1.10; согласно комментарию [Тит Ливий 1991, с. 454] это знамение известно и другим античным текстам). Можно предположить, что такого рода образность унаследована от индоевропейской эпохи¹. Разумеется,

---

деревьями, на которых растут золотые плоды (Бернштам 1978, с. 59; Успенский 1982: 60; Славянская мифология 2002, с. 463).

¹ Есть, правда, один общий для индийцев и римлян вид знамения, весьма специфический, который трудно возвести к эпохе ранней бронзы: у Тита Ливия (XXII.1.12; XXIII.31.15), как и в Мбх, статуи богов в храмах потеют и кровоточат. Здесь применимо скорее следующее объяснение: у индийцев толкование знамений составляло раздел брахман-

и у Тита Ливия феномены, почитаемые знаменами, являются «перевернутыми» по отношению к обычному ходу вещей, что особенно ясно видно на примере знамен из животного мира (например: «корова отелилась жеребенком», XXIII.31.15).

В славянских традициях, если не считать явных последствий христианизации (в качестве предзнаменований на небе видны огненные кресты или лик Богородицы), набор знамен, возвещающих грядущие беды, включает те же основные типы, что были известны Индии и античному миру: это небесные явления (как, например, «появление необычно ярких звезд, комет»), аномальные дожди («падение с неба вместе с дождем мелких земноводных»), «появление животных с необычными признаками», красные («красные») закаты как примета грядущей войны (Славянские древности 1995–2009, II, с. 280). Очевидная «перевернутость» такого рода знамен по отношению к норме не может рассматриваться без учета того обстоятельства, что «перевернутость», «обратность» в славянской фольклорно-мифологической традиции есть специфическая характеристика потустороннего мира. Всякое переворачивание предметов в обрядах и повседневном быту, как и всякое упоминание «перевернутости» в фольклоре, соотносилось с представлением о «том свете» (Славянская мифология 2002, с. 359, 463).

В совокупности с параллелями из других индоевропейских традиций богатый и хорошо сохранившийся материал индийских эпических знамен может оказаться полезным для глубоких реконструкций мифологической архаики. Для индийской традиции он дает, на мой взгляд, все основания реконструировать представление о том, что в канун вселенского (светопреставление, *pralaya*), социального (война, гибель народов и царств) или индивидуального (гибель героя в бою) эсхатологического кризиса происходит вторжение в «нормальный» мир «перевернутой» образности «иноного мира».

ской астрологии, при этом сильное влияние античной астрологии в эллинистический период на астрологию индийцев является бесспорным историческим фактом. К тому же и индийская, и эллинистическая астрология по отдельности многое заимствовали из древнейшей астрологической традиции — вавилонской.

Библиография

Атхарваведа (Шаунака) / пер. с ведийс. яз., коммент. и прилож. Т. Я. Елизаренковой. М., 2010. Т. 3. Кн. XIII–XIX. (Памятники письменности Востока, СХХХХV, 3).

Бернштам Т. А. Девушка-невеста и предбрачная обрядность в Поморье в XIX — начале XX в. // *Русский народный свадебный обряд: Исследования и материалы* / под ред. К. В. Чистова, Т. А. Бернштам. Л., 1978. С. 48–71.

Васильков Я. В. Миф, ритуал и история в «Махабхарате». СПб., 2010.

Гринцер П. А. Древнеиндийский эпос: генезис и типология. М., 1974.

Ирландские саги / пер. и коммент. А. А. Смирнова. Л., 1929.

Махабхарата. Книга пятая. Удьюгапарва, или Книга о старании / пер. с санскр. и коммент. В. И. Кальянова. Л., 1976.

Махабхарата. Книга третья. Лесная (Араньякапарва) / пер. с санскр., предисл. и коммент. Я. В. Василькова, С. Л. Невелевой. М., 1987.

Махабхарата. Книга восьмая. О Карне (Карнапарва) / пер. с санскр., предисл. и коммент. Я. В. Василькова, С. Л. Невелевой. М., 1990.

Махабхарата. Заключительные книги. XV–XVIII / изд. подгот. С. Л. Невелева, Я. В. Васильков. СПб., 2005.

Махабхарата. Книга шестая. Бхишмапарва, или Книга о Бхишме / изд. подгот. В. Г. Эрман. М., 2009.

Невелева С. Л. Контекстные связи эпической шлоки (Махабхарата III.186.36; 188.51) // *Литература и культура Древней и средневековой Индии* / отв. ред. Г. А. Зограф. М., 1987. С. 128–160.

Невелева С. Л. Махабхарата: художественный язык древнеиндийского эпоса. СПб., 2010.

Никольская К. Д. Ритуал пушьяснана в «Брихатсамхите» Варахамихиры (Омовение царя под созвездием Пушья) // *Зографский сборник*. СПб., 2011. Вып. 2. С. 211–240.

Протт В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.

Путилов Б. Н. Героический эпос черногорцев. Л., 1982.

Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры. М., 1985.

Славянская мифология: Энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 2002.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 1995–2009. Т. 1–4 (от «А» до «С»).

Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э. / отв. ред. И. П. Русанова, Э. А. Сыманович. М., 1993.

Тит Ливий. История Рима от основания города. М., 1991. Т. II.

Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982.

Эдельман Д. И. Иранские и славянские языки: Исторические отношения. М., 2008.

Couture A. From Viṣṇu's deeds to Viṣṇu's play, or Observations on the word avatāra as a designation for the manifestations of Viṣṇu // *Journal of Indian Philosophy*. 2001. Vol. 29. P. 313–326.

Sen Ch. A Dictionary of the Vedic Rituals. Based on the Śrauta and Gṛhya Sūtras. Delhi, 1982.

Vassilkov Y. The Mahābhārata's Typological Definition Reconsidered // *Indo-Iranian Journal*. 1995. July. Vol. 38. № 3. P. 249–256.

А. А. Новик

**ДЕМОНЫ СУДЬБЫ, ДУШИ УМЕРШИХ
МЛАДЕНЦЕВ И ВОЗМОЖНОСТЬ ИЗМЕНИТЬ
БУДУЩЕЕ В ВЕРОВАНИЯХ
АЛБАНЦЕВ УКРАИНЫ
Полевые материалы 2008–2010 годов**

У албанцев Украины сохраняется вера в мифологических персонажей, которые имеют очень старые балканские прототипы, уходящие своими корнями в архаику.

Во время работы в экспедициях 1998–2010 годов мною проводился опрос информантов на предмет сохранения верований в мифологические персонажи. Записи интервью информантов по теме верований зависели от года работы в поле. Так, важные сведения были получены в течение трех месяцев экспедиционной работы в 1998 году в Приазовье и Буджаке. Однако самой продуктивной в сборе материалов по данной теме стала экспедиция